

© 2004 г.

М.О. МНАЦАКАНЯН

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ТРИ МИФА

МНАЦАКАНЯН Мкртич Оганесович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе не утихают споры вокруг национального государства. Часть российских обществоведов, среди которых немало и социологов, считает, что национальное государство полностью изжило себя и уходит с исторической арены, уступая место наднациональным силам и образованиям. В той или иной форме и степени на таких позициях стоят Г.А. Белов, В.Ф. Галецкий, А.Б. Кустарев, А.Г. Мовсесян, С.О. Огнивцев, Ю.М. Павлов и др. Некоторые из них, настроенные особенно радикально, ссылаются обычно на западную науку, в которой якобы такая точка зрения является общепризнанной. Но ученые, снискавшие особый авторитет и известность своими трудами о нациях и национализме (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит и др.), концептуально не допускают саму возможность подобной трансформации роли нации и национального государства. Такой крупный социолог, как Майкл Манн, доказывает неминувность возрастания их значимости, особенно на огромных пространствах Азии и Африки. Б. Андерсон отмечает, что "в последние годы никто не сделал так много, как макросоциолог Майкл Манн, для того, чтобы снабдить нас всемирно-историческим, сравнительным пониманием развития современных институтов и, главным образом, государства. Его вклад, прежде всего, заключается в элегантно, полном точных деталей развенчании мифов..." [1, с. 22]. Прежде чем определить конкретное содержание этих мифов, способы их конструирования, попробуем вскрыть их общую теоретико-методологическую и познавательную основу.

В постмодернистских теориях глобализации, за редкими исключениями, можно обнаружить слабость их теоретической основы и склонность их авторов к беллетристике. Рассмотрим эти теории в научном плане. Как правило, они рассматривают явления, продукты, объекты и последствия глобализации. Но фундаментальное значение для науки имеет анализ ее источников, процессов и, прежде всего, - субъектов. Поэтому глобализация и выглядит процессом неопределенным, неуправляемым, безродным, с отсутствием своего центра, движущих сил, субъектов. Мифы, созданные экономистами, без серьезных сомнений и раздумий принимаются социологами и политологами, становясь основой собственных теоретических конструкций, аргументами их обоснования. В свою очередь, российские авторы, как правило, пользуются трудами западных коллег, не отличающимися особой глубиной и популярностью у себя дома.

Расхождения начинаются на исходной точке - что такое глобализация? У многих российских авторов можно прочитать: это американизация; макдональдизация; вестернизация и т.д. Следовательно, унификация, иногда гибридизация мира под началом и воздействием американизма. На самом же деле *глобализация - это формирование и утверждение целостности, взаимосвязанности, взаимозависимости, интегральности мира и восприятие его как таковой общественным сознанием.* Это не унификация (американизация), а собирание, единение человечества в целостном мире, взаимодействие внутри такой целостности разнородных и разнообразных национальных, религиозных, государственно-политических, цивилизационных и

иных составных компонентов. Это одновременно и сложный процесс и состояние, выражающие качественные стадии глобализации. Глобализация охватывает все сферы общества. Но в ее центре стоит социокультурное ядро и все основные свойства этого мира: характер взаимодействия и взаимозависимости; противоречия и конфликты; направленности и тенденции; характер взаимодействия старых и новых ценностей и т.д. Они заложены в качестве субстанции в тех социальных условиях, которые оформились уже на начальных стадиях формирования данной целостности, начиная с появления мирового рынка и мирового хозяйства. Проникающая, в том числе и средствами коммуникаций, в глубокие социальные сферы, сегодня глобализация охватывает и intersubjective мир человека, становясь фактором повседневности, осязаемости для каждой личности. Необходимо подчеркнуть, что эти и другие общие и исходные проявления глобализации получают различные интерпретации потому, что или остаются в глубокой тени, или беспощадно искажаются ее источники и субъекты. Именно здесь формируются основополагающие мифы, которые потом используются в отношении национальных культур, государства и т.д.

МИФ ПЕРВЫЙ: глобализация - это процесс и состояние, несовместимые с существованием наций. Она направлена на упразднение, ликвидацию национальных общностей. Именно такие формулировки характерны для трудов ряда российских авторов, пишущих по проблемам глобализма: И.В. Кондаков, Ю.М. Павлов, Е.В. Рашупкина, М.В. Ярская и др. М.В. Ярская, отметив, что глобализация несовместима с нацией, добавляет, что "Тезаурус" традиционных понятий этимологически воспроизводит дискриминационное социальное пространство: понятия "нация", "народность", "национальность", "национальное меньшинство" стали предпосылками неравенства субъектов отечественного социума и этноконфликтов" [2, с. 645]. Е.В. Рашупкина в свою очередь заключает, что глобализация обесценивает национальную локальную культуру, взамен создавая "третьи" культуры - гибридные [2, с. 652].

Начнем с того, что здесь смешиваются различные вещи: экономико-финансовая, политическая, социокультурная и т.п. экспансия государств и транснациональных корпораций выдается за глобализацию. Но внешняя экспансия не может интегрировать мир. Более того, такой "выход" свойств и отношений капитализма и его "духа" за рамки первоначальных границ и превращение их в свойства международной жизни являлись еще в XIX и начале XX века проявлениями глубинных процессов и потребностей человеческой общности. *Интернационализация - глубинная основа и источник глобализации*, она связана с процессами, происходящими между нациями, которые, однако, генетически формируются во внутринациональной жизни, в ее недрах. Каждая нация обладает огромным творческим потенциалом, создает ценности - культурные, научные, технологические и т.д., становящиеся достоянием человечества. Выход всего ценного, социально значимого за рамки национальных границ предполагает, что другие народы примут их, включат в собственную жизнь как часть собственной культуры, науки, техники, опыта и т.д., сами адаптируются к ним и их адаптируют к своей жизни.

Но главное заключается в реализации могущественных потенций и сил интернационализации: принятые и включенные в собственную жизнь инонациональные ценности становятся источником развития, прогресса соответствующей сферы народа принимающего. *В процессе интернационализации происходит проверка социальной значимости созданных в национальной жизни духовных, научных, материальных продуктов и ценностей.* Интернационализация формирует явления международной жизни, резко расширяет диапазон доступных человеку возможностей, масштабов и пределов деятельности. Теперь сама международная жизнь, возникшая в результате интернационализации как ее продукт, становится ареной формирования новых ее предпосылок.

Вывод самоочевиден: на основе экономической, политической, культурной, социальной и т.д. глобализации происходит формирование и развитие национальной жизни и там, где до этого не было никаких предпосылок - в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Капитал, техника, наука, культурные образцы, опыт и т.д., получив "выход" из национальных границ стран Европы, дали мощный толчок национальным процессам там, где они внедрились. Дальнейшая глобализация не только невозможна без создания в недрах национальной жизни новых ценностей, социально значимых для всего человечества, но она вызывает к жизни рост национального самосознания народов, значимости национальной идентичности для каждого человека. В глобализацию мира вносят свою лепту многие нации. Россия, например, не является просто полем американизации и макдональдизации, а сама активно участвует в этих процессах, ее балет, музыка, литература, наука и т.д. оказывают мощное влияние на мировые процессы.

Да, происходят сближение наций в ходе глобализации, стирание ряда национальных различий в Европе, во всем мире, особенно в последние десятилетия. Но нигде мы не обнаружим

безразличие людей к проблемам своей национальной жизни. Более того, сегодня особенно возрастает значимость национальной идентичности для коллектива, для каждого индивида. Она сегодня выполняет интегративные и нормативные когнитивные и адаптивные, защитные, идеологические и духовно-психологические функции. Э. Геллнер отмечал: "Для обычного человека границы его культуры являются если не границы мира, то, во всяком случае, границы, в которых он может получить работу и общественное признание, сохранить достоинство, гражданство, возможность участвовать в жизни социума. Оставаясь в этих границах, он знает правила игры и понимает, что происходит вокруг; выходя за эти пределы, начинает совершать ошибки, становится неуклюжим, не вполне адекватным, рискует превратиться в посмешище. Самые глубинные пласты его идентичности определяются не его банковским счетом, не положением в его семье или обществе, но усвоенной в процессе образования письменной культурой. Его национализм является не каким-нибудь атавизмом, а напротив, служит выражением его вполне определенных и подлинных (хотя чаще всего неосознанных) интересов" [3, с. 116-117].

ВТОРОЙ МИФ: *национальные государства изжили себя, они несовместимы с глобализацией и уходят с исторической арены*, уже потому, что экономическая мощь транснациональных корпораций превосходит мощь средних государств. На таких позициях стоят В.Ф. Галецкий, А.С. Мовсесян, С.О. Огневцев, Ю.В. Шишков и многие другие российские авторы. В.Ф. Галецкий, например, без всяких оговорок утверждает: глобализация разрушает суверенитет государственных единиц, которые находятся в поле ее действия. "Глобализация, - заявляет он, - суть процесс, направленный на разрушение любого государственного суверенитета" [4, с. 158]. Исторический процесс показывает, что в начале XX в., когда началась эпоха бурной монополизации и транснационализации, не только мелкие, средние, но и многие крупные государства (Китай, Иран, Турция и т.д.) были опутаны сетями экономической, финансовой, политической и т.п. зависимости от "великих держав", которые господствовали в мировых отношениях, не считаясь с суверенитетом государств даже в Европе. Тем не менее с середины века шел процесс повсеместного образования национальных государств, и сегодня для защиты их суверенитета больше международных условий, чем тогда.

Не является праздным вопрос - почему идея национального государства популярна сегодня в мире? Почему даже малочисленные народы Европы во вполне демократических странах (шотландцы, валлийцы, валлоны, фламандцы, баски, каталонцы и т.д.) добиваются государственности? З. Бауман растерян: "Парадоксальным образом, - пишет он, - не триумф, а *кончина* государственного суверенитета сделала идею государственности страшно популярной" [5, с. 426]. Образование в начале 90-х годов более полутора десятка национальных государств в Европе, некоторые из них мелкие - Хорватия, Словения, Македония и др., говорит о вере народов в способность государства эффективно защищать национальные интересы.

Майкл Манн считает, что подобные суждения имеют своим основанием европоцентризм, а "Европа не есть будущее всего мира" [6, с. 382]. Во всем мире идет становление и развитие национальных государств, особенно в странах Азии и Африки. В Европе, по М. Манну, при ослаблении некоторых функций и свойств, государство в каких-то отношениях все еще развивается, расширяется за счет местных, региональных и особенно относящихся к частной сфере сил. "В современном национальном государстве идея суверенитета остается актуальной, как никогда. Просто милитаризм, инфраструктуры коммуникаций, экономическое, социальное и семейное законодательства и отчетливое ощущение принадлежности к национальной общности слились в единый жесткий институт" [6, с. 384—385]. Приведем еще одно важное суждение Манна: "Общество, взятое извне, *никогда* не было просто национальным. Оно было также транснациональным, то есть включало в себя отношения, которые свободно простирались за национальные границы... Транснациональные отношения возникли не в "постсовременный" период - они накладывали ограничения на суверенитет государства всегда и везде" [6, с. 385]. Национальный суверенитет всегда был ограничен, с одной стороны, капиталистическим, с другой, культурным транснационализмом. И в период 1880-1945 гг. финансовый капитал никогда не считался с суверенитетом, тем более государств небольших, слабых.

Изучая основные теории глобализации по литературе, рожденные в США и Англии, мы обнаружили, что авторы обычно оперируют понятиями суверенитета, имея в виду мелкие и средние государства. *Ни один автор не объясняет, почему должны сойти со сцены национальные государства США, Японии, Китая, Германии, Англии, Франции?* Не собираются ли они утешить зависимые и экономически слабые страны и народы, как в свое время Наполеон - немецких королей: ваш суверенитет лишь формальный, воображаемый...? Серьезный же анализ феномена глобализации открывает любопытную ее особенность: не только глобализация невозможна без наращивания сил и потенциалов национальной жизни (а эта прямая функция на-

ционального государства), но и сама глобализация придала национальному государству принципиально новую, ранее неизвестную функцию. В современном глобальном мире социальная мобильность, принявшая гигантские масштабы, интенсивность коммуникаций и пропасти неравенства между странами и народами создают новые факты, условия и основы отношений между группами, общностями людей. Идет активное распределение и перераспределение ролей, жизненных возможностей. Речь теперь идет не только о том, насколько неловко и неадекватно чувствует себя человек вне культурных национальных границ, но особенно о том, что в конкурентной борьбе за жизненные перспективы он, как и целые коллективы, не получит выигрышных ролей, если не будет опираться на силу государства. Вот где загадка популярности современного национального государства, вот почему народы готовы идти на жертвы ради него.

ТРЕТИЙ МИФ: глобальные силы, идущие на смену национального государственного суверенитета, анонимны, безродны, неуправляемы, несут с собой наднациональные учреждения, правила, ценности для всех без исключения наций и государств мира. В этой связи могут отметить труды таких авторов как Л.В. Бузгалин, В.Ф. Галецкий, С.О. Огневцев и др. В.Ф. Галецкий, рассуждая о центре, субъектах и объектах глобализации, приходит к выводу, что субъектом является сам человек, его внутренний духовный мир, а объектом глобализации - уже другой человек, тот, кто не приемлет глобализацию [4, с. 95-96]. Речь прежде всего идет о процессах интернационализации и транснационализации капитала, экономики, финансов и образования крупнейших транснациональных корпораций, банков - ТНК и ТНБ, играющих огромную роль во всех сферах экономики, в международных политических отношениях. Но они отнюдь не безродны, ничейны: и по рождению, происхождению, и по представительству они имеют национальную принадлежность, представляют в мире вполне конкретные государства, выражая их, прежде всего, интересы. Получая необходимую государственную поддержку, особенно в кризисных политических и военных конфликтных ситуациях, в свою очередь ТНК и ТНБ выступают орудием упрочнения позиций "своих" национальных государств в различных регионах мира.

Среди 20 ведущих ТНК по этому показателю преобладают 6 американских корпораций, 3 представляют Японию, 3 - Германию, 3 - Великобританию (из них 2 совместно с Голландией), 3 - Голландию (2 - совместно с Великобританией), 2 - Францию, 2 - Швейцарию. По объему продаж лидирующие позиции в мировой экономике до кризиса 1997 г. сохраняли японские ТНК: "Иточи", "Мицуи", "Мицубиси", "Сумитомо", "Марубени". За ними следовали американские ТНК: "Дженерал Моторз", "Форд", "Эксон" [7, с. 56]. Пять крупнейших из них контролируют более половины мирового производства товаров длительного пользования, самолетов, электронного оборудования, автомобилей. 2-3 компании контролируют практически всю международную сеть телекоммуникаций. На рынке гражданского самолетостроения господствовали компании: "Эйрбас Индастри", "Боинг" и "Макдоннел Дуглас". Они контролировали соответственно 30-35%, 60-70 и 3% рынка [8, с. 36]. Когда происходит сращивание их мощи с мощью государств, с их военно-политическими союзами, государственный суверенитет остальных стран может выглядеть жалким. Транснациональный капитал не только не угрожает "нормальному" функционированию "своих" государств, но весьма чутко откликается на их поддержку всегда, когда возникает соблазн экономически аннексировать более слабые страны и отрицать необходимость национальных государств. К примеру, за последние несколько лет корпорации Германии установили более эффективный контроль над чешской экономикой по сравнению с периодом 30-40-х годов. В 1990 г. германский концерн "Фольксваген" присоединил чешскую "Шкоду" и с учетом более ранних поглощений "Ауди" и испанской "Seat" утвердился как панъвропейская компания [10, с. 91-92]. Немцы теперь могут быть уверены: «что хорошо для "Фольксваген", то хорошо для Германии», точно так же, как американцы убеждены - «что хорошо для "Дженерал моторз", то хорошо для Америки». *Отрицание роли и значения национальных государств в современном мире - это отрицание мелких, слабых, зависимых государств с позиций развитости и высокомерия.*

Транснационализация, таким образом, не отменяет государственный суверенитет и по-новому ставит комплекс проблем его защиты. Экономическая деятельность все еще крепко связана с национальной почвой - с хозяйственной территорией. М. Манн отмечает, что, несмотря на международную мобильность финансового капитала, подавляющая часть продукции национального производства предназначена для внутреннего потребления, а "транснациональные" корпорации сосредотачивают высшее руководство и исследовательские организации в границах национальных государств [6, с. 294-295]. В. Кувалдин и А. Рябов указывают, что "экономическая деятельность, несмотря на бурную транснационализацию, вовсе не спешит оторваться от национальной почвы" [9, с. 40].

Э. ГИДДЕНС КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕОЛОГ ГЛОБАЛИЗМА. Энтони Гидденс - авторитет в мировом социологическом сообществе. В главе книги "The third way" (Cambridge, 1998) под названием "Навстречу глобальному веку", ставя и интерпретируя фундаментальные вопросы нации, национализма и национального государства, он обнаруживает устремления идеолога - и только. С его точки зрения национальная идентичность и чувство принадлежности к нации не могут быть конструктивной силой... ибо национализм и националистические устремления, обычно воинственные, становятся причиной разрушительных конфликтов (как будто национальная идентичность и разрушительный национализм - одно и то же). И поскольку национальная идентичность мешает "восстановлению роли национального государства в качестве стабилизирующей силы, противовеса бесконечной фрагментации", то "нам нужен более космополитический вариант государственности" [11, с. 436]. Но для этого надо построить космополитическую нацию. Что это такое и кто ее будет "строить"?

Это, по Э. Гидденсу, совмещение идеи нации с этническим и культурным плюрализмом в результате применения власти. Космополитическая нация есть результат примирения этнического трайбализма существующих национальных общностей с культурным плюрализмом всего населения государства. Примером такого рода Э. Гидденс считает Европейский союз, где процветает культурный плюрализм новой космополитической нации, для которой "старые" идентичности, история, чувства и т.д. остались позади. Он проводит пример, показывающий, наоборот, слабость его "конструктивистских" идей. Чтобы провести испытание космополитического национализма (не объясняя, что это такое) в европейском контексте, он в качестве полигона выбирает Германию, "забывая", что она официально отрицает мультикультуризм. Здесь нет и не может быть проблемы взаимодействия национальных групп, а вопрос о натурализации, о котором рассуждает Э. Гидденс, не относится к теме. В Германии не возникнут космополитическая нация и идентичность, если здесь будут заменены законы о гражданстве, за что он ратует [11, с. 441].

Все это рождается из глобалистских представлений Э. Гидденса, считающего, что "процессы глобализации приводят к переходу власти от национальных в деполитизированное глобальное пространство" и что "глобальное правление уже есть, и уже существует глобальное гражданское общество" [11, с. 444]. Ничего не стоит и "реконструировать старые формы национальной общности", создать космополитические нации, раз есть глобальное гражданское общество, преодолевающее "границы государства" [11, с. 442]. Для него не существуют диктаторские режимы азио-африканских, латино-американских стран, не важно, как стали гражданскими политические режимы Китая, Ирака, Саудовской Аравии, Пакистана и других стран с авторитарными формами власти. И далее: "Территория не имеет для национальных государств такого значения, как в прошлом", а "суверенитет приобретает все более размытые очертания" [11, с. 443].

Русский философ Ф.Х. Кессиди по этому поводу пишет: «Каждая из культур (цивилизаций) как Востока, так и Запада имеет свой особый генотип в собственном смысле этого слова и внутреннюю (при прочих равных условиях) логику развития. Это значит, что говорить в отношении обозримого (и даже отдаленного) будущего о возможности создания некой "крупномасштабной общности на базе определенной социокультурной парадигмы" по меньшей мере опрометчиво. Речь может идти лишь о взаимодействии (созидательном или разрушительном) культур, но не об их взаимопроникновении, т.е. тенденции к интеграции, во всяком случае, когда речь идет о культурах Востока и Запада» [12, с. 77]. Для Японии, например, пишет он, глобализм не опасен. Следуя своего рода заповеди "*Японский дух, западная технология*", эта страна сумела сохранить этническую идентичность. То же можно сказать о других странах Юго-Восточной Азии, придерживающихся принципа: "*Думай глобально, действуй локально!*".

Впрочем, когда Э. Гидденс возвращается к вопросам, которые ему ближе профессионально, он ставит под сомнение вышеприведенные идеи. Опросы, пишет он, показывают, что в большинстве стран Евросоюза (за исключением двух-трех) в отношении ЕС энтузиазма значительно меньше, чем это было раньше. Среди причин называют недостаточную демократичность ЕС и то, что он далек от нужд простых людей. Люди выборам в Европарламенте придают мало значения и предпочитают не участвовать в них [11, с. 445-446]. "Реконструированная космополитическая нация" Евросоюза, "глобальное гражданское общество" и "глобальная деполитизированная власть" меркнут в свете гигантских экологических угроз и устрещающих, по выражению Э. Гидденса, неравенств в мире между народами, которые чреватые конфликтами и общемировыми потрясениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Нации и национализм. М., 2001.
2. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003. Т. 2.
3. *Gellner E.* Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. L., 1994.
4. Население и глобализация. М., 2002.
5. *Бауман З.* Национальное государство - что дальше? // Отечественные записки. 2002. № 6.
6. *Манн М.* Нации - государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М, 2002.
7. *Мовсесян А., Огневцев С.* Транснациональный капитал и национальные государства // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6.
8. *Сажин Д.* Новый американский супергигант // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 6.
9. *Кувалдин В., Рябов А.* Национальное государство в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2000. № 1.
10. *Мнацаканян М.О.* Интегрализм и национальная общность. Новая этносоциологическая теория. М., 2001.
11. *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. № 6.
12. *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. №1.